

способными. Эти люди гордятся тем, что были на войне, и выходят из нее большими и лучшими патриотами, нежели в нее вступили. Однако, несмотря на это реализм автора принудил его к введению в роман ряда сцен, поневоле сатирических и обличающих.

Скин, стержневая фигура «64, 94!», очевидно, в значительной степени автобиографичен.

Т. Л.

Морис Вламник.

Опасный поворот.

Морис Вламник один из основателей, вместе с художником Андре Дереном, живописного фовизма, пользуется сейчас мировой известностью, как лучший из современных французских пейзажистов. Его жизнь являет собой пример редкой человеческой энергии. Сын бедного, скромного музыканта, он с малых лет был предоставлен самому себе. Детство его было омрачено лишениями, а молодость прошла в постоянной тяжелой борьбе и нужде. Он был велосипедным гонщиком, музыкантом, заводским рабочим, репортером, писателем. Он менял профессии, подвергал себя изнурительному труду по ночам только для того, чтобы иметь возможность несколько часов в день заниматься живописью. Вламник — сейчас признанный художник, но он не принадлежит к той категории людей, которые платят за признание уступками, идут на компромиссы и все забывают. Вламник ни, чего не забыл, и из своих наблюдений, из всего своего прошлого вывел большую жизненную мудрость. И если тяжелые условия, в которых ему пришлось жить, выработали из него человека непоколебимой воли, то они же в нем воспитали яростного врага буржуазного общества.

Не все для нас может быть вполне приемлемо из его рассуждений и несколько упрощенной индивидуалистической философии, но его наблюдения чрезвычайно характерны и интересны. Говорит ли он о проблемах искусства, о литературных течениях, он все преломляет через свой острый ум, и его мысли приоб-

ретают неожиданную привлекательность и оригинальность.

Европейская война оказалась поворотным моментом в его жизни. Как человек повышенной впечатлительности, он не мог примириться с ее ужасами, и она оставила на нем неизгладимый след. Его вышедшая недавно книга «На опасном повороте» является любопытнейшим человеческим документом, отражающим настроения целой эпохи переживания французского интеллигента на рубеже самого острого социального кризиса, который сейчас переживает Европа.

Мы привели в этом номере несколько отрывков, относящихся к периоду мобилизации во Франции накануне империалистической войны. То, что отличает их от обычной мемуарной литературы и беллетристики, — это их жизненность и оригинальность формы. Вламник не писатель, а рассказчик, интересный собеседник. Он не пишет, а рассказывает, и языковые интонационные нюансы имеют в его рассказах огромное значение. Только в таком виде их и надо воспринимать. При записи их он сохранил эту особенность, и они поэтому читаются с большой легкостью.

Сергей Ромов

«14 июля» — Либеральная летопись предвоенного месяца.

Живых и сознательных агентов, не зная которых трудно, — по словам М. Н. Покровского, — и судить о событиях мировой войны, изобразил сейчас Эмиль Людвиг. «14 июля» — историко-психологический этюд, почти роман об убийстве Франца Фердинанда, об ультиматуме Берхтольда о серии дипломатических поджогов — сделан не без специфически-людвиговского умения оживлять документы; раньше этот роман не мог появиться, 15-летняя давность освобождает всякого склонного к художественному анализу автора от необходимости вторить газетному эху. Людвигу же, специалисту политико-психологического портрета, эти 15 лет доставили не меньше документов для повести о бурном лете 1914 года, чем целое столетие, — для его книги о Наполеоне, или тридцать лет, прошедших со дня смерти друзей

Бисмарка, другой излюбленной «натуры» портретиста.

Людвиг проявил себя этими настойчивыми раскопками архивов, проявил себя меткими характеристиками; стиль его — стиль мемуариста, светского и образованного чиновника. Немецкая либеральная буржуазия, воспитанная на об'емистых исторических монографиях Дельбрюка или Гарнака, на водянистой исторической публицистике газетных передовиков, получила в лице Людвигу лет пять назад мастера, соединяющего французское умение рассказывать, выпячивать основную идею, — с немецкой добросовестностью. «14 июля» с увлечением читается до конца; автор с птичьего полета обзрывает большие и малые дворцы, европейские министерства, которые боялись упустить столь благоприятный для войны момент.

Действие перескакивает из одной страны в другую. Беспечно сообщает своим помощникам граф Берхтольд, что удовлетворительный сербский ответ он счел бы «крайне несимпатичным»; дает себя «угоривать» Николай; образ... на смерть перепуганного человека являет у нашего историка Вильгельм; отмеривает, как сторожевой пес, палубу военного судна торпящийся во Францию Пуанкарэ; смертью платит за свою оппозицию войне Жорес, обрисованный с большой симпатией; запрещаются газеты, дерзающие предостерегать массы; и уходят в отставку два, только два государственных деятеля, голосовавших, да и то не из пацифистских побуждений, против войны — Джон Морлей и граф Тисса. Слова осуждения и насмешки находит Людвиг для каждого империалиста; основная же цель людвиговской «человеческой комедии» — показать, до

чего маленькие люди вызвали в течение этих 30 дней столь великий пожар.

Эта несущественная предпосылка должна привести мелкобуржуазного читателя к выводу, более — с точки зрения людвиговского социального заказчика — существенному и серьезному: известно, что германская буржуазия, чая снизить репарации, всячески старается уменьшить свою долю ответственности за возникновение войны. «14 июля» честно обслуживает эту идею. Сравнительное обозрение различных дипломатических кухонь должно убедить читателя, что «виноваты были все». Это — самое большое, что может позволить себе в буржуазном обществе романист, — даже имеющий такое звучное в Европе и особенно в Соед. Штатах имя, столь вхожий в буржуазные министерства и архивы.

Углубляться же в экономику предвоенных лет Людвиг не рискует. Изучать документы неофициальные, следы народного гнева, массовых антивоенных вспышек и митингов ему тоже не полагается: здесь буржуа-читатель стал бы зевать. И достаточно беспомощно отдает Эмиль Людвиг некоторую дань пацифизму, когда в конце книги он на всех языках заставляет «толпу» кричать «Frieden, Frieden, wirr wollen keinen Krieg! — Peace, peace, no war! — A bas la guerre, vive la paix!» Так внешняя занимательность «14 июля», книги, которая безвредно и бесполезно может быть переведена и на наш язык, не может скрыть связанности, односторонности либерального летописца, чье «документированное творчество» неизбежно подчиняется общественной философии американского фильма, т. е. не «злит», не выпячивает классовых противоречий.

Геронский.